

LE PETIT LOUP DE MER

МАЙН РИД

Всадник без головы
Морской волчонок

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р 49

Перевод
Аллы Макаровой, Осипа Мандельштама

Составитель Александр Лютиков

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрации

Николая Кочергина («Всадник без головы»),
Леона Бенетта («Морской волчонок»)

Иллюстрация на обложке Венцеслава Черны

Карты выполнены Юлией Каташинской

- © А. Ю. Макарова (наследники), перевод, 2019
- © Н. М. Кочергин (наследники), иллюстрации, 2019
- © Издание на русском языке, состав, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-16281-5

Всадник без головы

ПРОЛОГ

Техасский олень, дремавший в тиши ночной саванны¹, вздрагивает, услышав топот лошадиных копыт.

Но он не покидает своего зеленого ложа, даже не встает на ноги. Не ему одному принадлежат эти просторы — дикие степные лошади тоже пасутся здесь по ночам. Он только слегка поднимает голову — над высокой травой показываются его рога — и слушает: не повторится ли звук?

Снова доносится топот копыт, но теперь он звучит иначе. Можно различить звон металла, удар стали о камень.

Этот звук, такой тревожный для оленя, вызывает быструю перемену в его поведении. Он стремительно вскакивает и мчится по прерии; но скоро он останавливается и оглядывается назад, недоумевая: кто потревожил его сон?

В ясном лунном свете южной ночи олень узнает злейшего своего врага — человека. Человек приближается верхом на лошади.

¹ *Саванна* — американская степь, покрытая высокой сочной травой.

Охваченный инстинктивным страхом, олень готов уже снова бежать; но что-то в облике всадника — что-то неестественное — приковывает его к месту.

Дрожа, он почти садится на задние ноги, поворачивает назад голову и продолжает смотреть — в его больших карих глазах отражаются страх и недоумение.

Что же заставило оленя так долго вглядываться в странную фигуру?

Лошадь? Но это обыкновенный конь, оседланный, взнузданный, — в нем нет ничего, что могло бы вызвать удивление или тревогу. Может быть, оленя испугал всадник? Да, это он пугает и заставляет недоумевать — в его облике есть что-то уродливое, жуткое.

Силы небесные! У всадника нет головы!

Это очевидно даже для неразумного животного. Еще с минуту смотрит олень растерянными глазами, как бы силясь понять: что это за невиданное чудовище? Но вот, охваченный ужасом, олень снова бежит. Он не останавливается до тех пор, пока не переплывает Леону и бурный поток не отделяет его от страшного всадника.

Не обращая внимания на убегающего в испуге оленя, как будто даже не заметив его присутствия, всадник без головы продолжает свой путь.

Он тоже направляется к реке, но, кажется, никуда не спешит, а движется медленным, спокойным, почти церемониальным шагом.

Словно поглощенный своими мыслями, всадник опустил поводья, и лошадь его время от времени пощипывает траву. Ни голосом, ни движением не подгоняет он ее, когда, испуганная лаем койотов, она вдруг вскидывает голову и, храпя, останавливается.

Кажется, что он во власти каких-то глубоких чувств и мелкие происшествия не могут вывести его из задумчивости. Ни единым звуком не выдает он своей тайны. Испуганный олень, лошадь, волк и полуночная луна — единственные свидетели его молчаливых раздумий.

На плечи всадника наброшено серапе¹, которое при порыве ветра приподнимается и открывает часть его фигуры; на ногах у него гетры из шкуры ягуара. Защищенный от ночной сырости и от тропических ливней, он едет вперед, молчаливый, как звезды, мерцающие над ним, беззаботный, как цикады, стрекочущие в траве, как ночной ветерок, играющий складками его одежды.

¹ *Serape* — широкий мексиканский плащ.

Наконец что-то, по-видимому, вывело всадника из задумчивости — его конь ускорил шаг. Вот конь встряхнул головой и радостно заржал — с вытянутой шеей и раздувающимися ноздрями он бежит вперед рысью и скоро уже скачет галопом: близость реки — вот что заставило коня мчаться быстрее.

Он не останавливается до тех пор, пока не погружается в прозрачный поток так, что вода доходит всаднику до коленей. Конь с жадностью пьет; утолив жажду, он переправляется через реку и быстрой рысью взбирается по крутому берегу.

Наверху всадник без головы останавливается, как бы ожидая, пока конь отряхнется от воды. Раздается лязг сбруи и стремян — словно гром загрохотал в белом облаке пара.

Из этого ореола появляется всадник без головы; он снова продолжает свой путь.

Видимо подгоняемая шпорами и направляемая рукой седока, лошадь больше не сбивается с пути, а бежит уверенно вперед, словно по знакомой тропе.

Впереди, до самого горизонта, простираются беслесные просторы саванны. На небесной лазури вырисовывается силуэт загадочной фигуры, похожей на поврежденную статую кентавра; силуэт постепенно удаляется, пока совсем не исчезает в таинственных сумерках лунного света.

Глава I

ВЫЖЖЕННАЯ ПРЕРИЯ

Полуденное солнце ярко светит с безоблачного лазоревого неба над бескрайней равниной Техаса около ста миль южнее старого испанского города Сан-Антонио-де-Бехар. В золотых лучах вырисовываются предметы, необычные для дикой прерии, — они говорят о присутствии людей там, где не видно признаков человеческого жилья.

Даже на большом расстоянии можно разглядеть, что это фургоны; над каждым — полукруглый верх из белоснежного полотна.

Их десять — слишком мало для торгового каравана или правительственного обоза. Скорее всего, они принадлежат какому-нибудь переселенцу, который высадился на берегу моря и теперь направляется в один из новых поселков на реке Леоне.

Вытянувшись длинной вереницей, фургоны ползут по саванне так медленно, что их движение почти незаметно, и лишь по их взаимному положению в длинной цепи обоза можно о нем догадаться. Темные силуэты между фургонами свидетельствуют о том, что они запряжены; а убегающая в испуге антилопа и взлетающий с криком кроншнеп выдают, что обоз движется. И зверь и птица недоумевают: что за странные чудовища вторглись в их дикие владения?

Кроме этого, во всей прерии не видно никакого движения: ни летящей птицы, ни бегущего зверя. В этот знойный полуденный час все живое в прерии замирает или прячется в тень. И только человек, подстрекаемый честолюбием или алчностью, нарушает законы тропической природы и бросает вызов палящему солнцу.

Так и хозяин обоза, несмотря на изнуряющую полуденную жару, продолжает свой путь.

Каждый фургон запряжен восемью сильными мулами. Они везут большое количество съестных припасов, дорогую, можно даже сказать, роскошную мебель, черных рабынь и их детей; чернокожие невольники идут пешком рядом с обозом, а некоторые устало плетутся позади, еле переступая израненными босыми ногами. Впереди едет легкая карета, запряженная выхолонными кентуккскими мулами; на ее козлах черный кучер в ливрее изнывает от жары. Все говорит о том, что это не бедный поселенец из северных штатов ищет себе новую родину, а богатый южанин, который уже приобрел усадьбу и едет туда со своей семьей, имуществом и рабами.

И в самом деле, обоз принадлежит плантатору, который высадился с семьей в Индианоле, на берегу залива Матагорда, и теперь пересекает прерию, направляясь к своим новым владениям.

Среди сопровождающих обоз всадников, как всегда, впереди едет сам плантатор, Вудли Пойндекстер — высокий, худощавый человек лет пятидесяти, с бледным, болезненно-желтоватым лицом и с горделиво-суровой осанкой. Одет он просто, но богато. На нем свободного покроя кафтан из альпака, жилет из черного атласа и нанковые панталоны. В вырезе жилета видна сорочка из тончайшего полотна, перехваченная у ворота черной лентой. На ногах, вдетых в стремена, — башмаки из мягкой дубленой кожи. От широких полей соломенной шляпы на лицо плантатора падает тень.

Рядом с ним едут два всадника, один справа, другой слева: это юноша лет двадцати и молодой человек лет на шесть-семь старше.

Первый — сын Пойндекстера. Открытое, жизнерадостное лицо юноши совсем не похоже на суровое лицо отца и на мрачную физиономию третьего всадника — его кузена.

На юноше французская блуза из хлопчатобумажной ткани небесно-голубого цвета, панталоны из того же материала; этот костюм — самый подходящий для южного климата — очень к лицу юноше, так же как и белая панама.

Его двоюродный брат — отставной офицер-волонтер — одет в военную форму из темно-синего сукна, на голове у него суконная фуражка.

Еще один всадник скачет неподалеку; у него тоже белая кожа, правда не совсем белая. Грубые черты его лица, дешевая одежда, плеть, которую он держит в правой руке, так искусно ею щелкая, — все говорит о том, что это надсмотрщик над чернокожими, их мучитель.

В карриоле — легкой карете, представлявшей нечто среднее между кабриолетом и ландо, — сидят две девушки. У одной из них кожа ослепительно-белая, у другой — совсем черная. Это единственная дочь Вудли Пойндекстера и ее чернокожая служанка.

Путешественники едут с берегов Миссисипи, из штата Луизиана.

Сам плантатор не уроженец этого штата; другими словами — не креол¹. По лицу же его сына и особенно по тонким чертам его дочери, которая время от времени выглядывает из-за занавесок кареты, легко догадаться, что они потомки французской эмигрантки, одной из тех, которые более столетия назад пересекли Атлантический океан.

Вудли Пойндекстер, владелец крупных сахарных плантаций, был одним из наиболее надменных, расточительных и хлебосольных аристократов Юга. В конце концов он разорился, и ему пришлось покинуть свой дом на Миссисипи и переехать с семьей и горсточкой оставшихся негров в дикие прерии юго-западного Техаса.

Солнце почти достигло зенита. Путники идут медленно, наступая на собственные тени. Расслабленные нестерпимой жарой, белые всадники молча сидят в своих седлах. Даже негры, менее чувствительные к зною, прекратили свою болтовню и, сбившись в кучки, безмолвно плетутся позади фургонов.

¹ *Креолы* — потомки французов или испанцев, ранних переселенцев в Америку. Они сохраняют свой национальный язык и обычаи.

Тишина, томительная, как на похоронах, время от времени прерывается лишь резким, словно выстрел пистолета, щелканьем кнута или же громким бархатистым «уоа», срывающимся с толстых губ то одного, то другого чернокожего возницы.

Медленно движется караван, как будто он идет ощупью. Собственно, настоящей дороги нет. Она обозначена только следами колес проехавших ранее повозок, следами, заметными лишь по раздавленному стеблям сочной травы.

Несмотря на свой черепаший шаг, лошади, запряженные в фургоны, делают все, что в их силах. Плантатор предполагает, что до новой усадьбы осталось не больше двадцати миль. Он надеется добраться туда до наступления ночи. Поэтому он и решил продолжать путь, невзирая на полуденную жару.

Вдруг надсмотрщик делает знак возницам, чтобы они остановили обоз. Отъехав на сотню ярдов вперед, он внезапно натянул поводья, как будто перед каким-то препятствием.

Он мчит к обозу. В его жестах — тревога. Что случилось?

Не индейцы ли? Говорили, что они появляются в этих местах.

— Что случилось, мистер Сансом? — спросил плантатор, когда всадник приблизился.

— Трава выжжена. В прерии был пожар.

— Был пожар? Но ведь сейчас прерия не горит? — быстро спрашивает хозяин обоза, бросая беспокойный взгляд в сторону кареты. — Где? Я не вижу дыма.

— Нет, сэр, — бормочет надсмотрщик, поняв, что он поднял напрасную тревогу, — я не говорил, что она сейчас горит, я только сказал, что прерия горела и вся земля стала черной, что твоя пиковая десятка.

— Ну, это не беда! Мне кажется, мы так же спокойно можем путешествовать по черной прерии, как и по зеленой.

— Глупо, Джош Сансом, поднимать шум из-за пустяков!.. Эй вы, черномазые, пошевеливайтесь! Берись за кнуты! Погоняй! Погоняй!

— Но скажите, капитан Колхаун, — возразил надсмотрщик человеку, который так резко отчитал его, — как же мы найдем дорогу?

— Зачем искать дорогу? Какой вздор! Разве мы с нее сбились?

— Боюсь, что да. Следов колес не видно: они сгорели вместе с травой.

— Пустяки! Как будто нельзя пересечь выжженный участок и без следов. Мы найдем их на той стороне.

— Да, если только там осталась другая сторона, — простодушно ответил надсмотрщик, который, хотя и был уроженцем восточных штатов, не раз бывал и на западной окраине прерии и знал, что такое пограничная жизнь. — Что-то ее не видно, хоть я и с седла гляжу!..

— Погоняй, черномазы! Погоняй! — закричал Колхаун, прервав разговор.

Пришпорив лошадь, он поскакал вперед, давая этим понять, что распоряжение должно быть выполнено.

Обоз опять тронулся, но, подойдя к границе выжженной прерии, внезапно остановился.

Всадники съезжаются вместе, чтобы обсудить, что делать. Положение трудное, — в этом все убедились, взглянув на равнину, которая расстилалась перед ними.

Кругом не видно ничего, кроме черных просторов. Нигде никакой зелени — ни стебелька, ни травинки. Пожар прошел недавно — во время летнего солнцестояния. Созревшие травы и яркие цветы прерии — все превратилось в пепел под разрушающим дыханием огня.

Впереди, направо, налево, насколько хватает зрения, простирается картина опустошения. Небо теперь не лазоревое — оно стало темно-синим, а солнце, хотя и не заслонено облаками, как будто не хочет здесь светить и словно хмурится, глядя на мрачную землю.

Надсмотрщик сказал правду: не осталось и следов дороги.

Пожар, испепеливший созревшие травы прерии, уничтожил и следы колес, указывавших раньше дороге.

— Что же нам делать? — этот вопрос задает сам плантатор, и в голосе его звучит растерянность.

— Что делать, дядя Вудли?.. Конечно, продолжать путь. Река должна быть по ту сторону пожарища. Если нам не удастся найти переправу на расстоянии полумили, мы поднимемся вверх по течению или спустимся вниз... Там видно будет.

— Но, Кассий, ведь так мы заблудимся!

— Вряд ли... Мне кажется, что выгоревшее пространство не так велико. Не беда, если мы немного собьемся с дороги: все равно, рано или поздно, мы выйдем к реке в том или ином месте.

— Хорошо, мой друг. Тебе лучше знать, я положусь на тебя.

— Не бойтесь, дядя. Мне случалось бывать и не в таких переделках... Вперед, негры! За мной!

И отставной офицер бросает самодовольный взгляд в сторону кареты, из-за занавесок которой выглядывает прекрасное, слегка встревоженное лицо девушки. Колхаун шпорит лошадь и самоуверенно скачет вперед.

Вслед за щелканьем кнутов слышится топот копыт восьми-десяти мулов, смешанный со скрипом колес. Фургоны снова двинулись в путь.

Мулы идут быстрее. Черная поверхность, непривычная для глаз животных, словно подгоняет их; едва успев коснуться пепла копытами, они тотчас же снова поднимают ноги. Молодые мулы храпят в испуге. Мало-помалу они успокаиваются и, глядя на старших, идут вслед за ними ровным шагом.

Так караван проходит около мили. Затем он снова останавливается. Это распоряжение отдал человек, который сам вызвался быть проводником. Он натягивает поводья, но в позе его уже нет прежней самоуверенности. Должно быть, он озадачен, не зная, куда ехать.

Ландшафт изменился, но не к лучшему. Все по-прежнему черно до самого горизонта. Только поверхность уже не ровная: она стала волнистой. Цепи холмов перемежаются долинами. Нельзя сказать, что здесь совсем нет деревьев, хотя то, что от них осталось, едва ли можно так назвать. Здесь были деревья до пожара — алгаробо¹, мескито² и еще некоторые виды акации росли здесь в одиночку и рощами. Их перистая листва исчезла без следа, остались только обуглившиеся стволы и почерневшие ветки.

— Ты сбился с дороги, мой друг? — спрашивает плантатор, поспешно подъезжая к племяннику.

— Нет, дядя, пока нет. Я остановился, чтобы оглядеться. Нам нужно ехать вот по этой долине. Пусть караван продолжает путь. Мы едем правильно, я за это ручаюсь.

Караван снова трогается. Спускается вниз по склону, направляется вдоль долины, снова взбирается по откосу и на гребне возвышенности опять останавливается.

— Ты все же сбился с дороги, Каш? — повторяет свой вопрос плантатор, подъезжая к племяннику.

— Черт побери! Боюсь, что ты прав, дядя. Но скажи, какой дьявол мог бы вообще отыскать дорогу на этом пожарище!.. Нет-нет! — вдруг восклицает Колхаун, увидев, что карета подъехала

¹ *Алгаробо* — рожковое дерево.

² *Мескито* — колючий кустарник.

совсем близко. — Мне теперь все ясно. Мы едем правильно. Река должна быть вон в том направлении. Вперед!

И капитан шпорит лошадь, по-видимому сам не зная, куда ехать. Фургоны следуют за ним, но от возниц не ускользнуло замешательство Колхауна. Они замечают, что обоз движется не прямо вперед, а кружит по долинам между рощицами.

Но вот ободряющий возглас вожатого сразу поднимает настроение путников. Дружно щелкают кнуты, слышатся радостные восклицания.

Путешественники вновь на дороге, где до них проехало, должно быть, с десятков повозок. И это было совсем недавно: отпечатки колес и копыт совершенно свежие, как будто они сделаны час назад. Видимо, по выжженной прерии проехал такой же караван.

Как и они, он, должно быть, держал свой путь к берегам Леоны; очень вероятно, что это правительственный обоз, который направляется в форт Индж. В таком случае остается только двигаться по его следам. Форт находится в том же направлении, лишь немного дальше новой усадьбы.

Ничего лучшего нельзя было и ожидать. От замешательства Колхауна не остается и следа, он снова воспрянул духом и с чувством нескрываемого самодовольства отдает распоряжение трогаться.

На протяжении мили, а может быть, и больше караван идет по найденным следам. Они ведут не прямо вперед, но кружат среди обгоревших рощ. Самодовольная уверенность Кассия Колхауна переходит в мрачное уныние. На лице его отражается глубокое отчаяние, когда он наконец догадывается, что следы сорока четырех колес, по которым они едут, были оставлены каретой и десятью фургонами — теми самыми, что следуют сейчас за ним и с которыми он проделал весь путь от залива Матагорда.

Глава II

СЛЕД ЛАССО

Не оставалось никаких сомнений, что фургоны Вудли Пойндекстера шли по следам своих же колес.

— Наши следы! — пробормотал Колхаун: сделав это открытие, он натянул поводья и разразился проклятиями.

— Наши следы? Что ты этим хочешь сказать, Кассий? Неужели мы едем...

— ...по нашим собственным следам. Да, именно это я и хочу сказать. Мы описали полный круг. Смотрите: вот заднее копыто моей лошади — отпечаток половины подковы, а вот следы негров. Теперь я узнаю и место. Это тот самый холм, откуда мы спустились после нашей последней остановки. Вот уж чертовски не повезло — напрасно проехали около двух миль!

Теперь на лице Колхауна заметна не только растерянность — на нем появились горькая досада и стыд. Это он виноват, что в караване нет настоящего проводника. Тот, которого наняли в Индианоле, сопровождал их до последней стоянки; там, поспорив с заносчивым капитаном, он попросил расчет и отправился назад.

Все это, а также чрезмерная самоуверенность, с которой он вызвался вести караван, заставляют теперь племянника плантатора испытывать мучительный стыд. Его настроение становится совсем мрачным, когда приближается карета и прекрасные глаза видят его замешательство.

Пойндекстер больше не задает вопросов. Для всех теперь ясно, что они сбились с пути. Даже босоногие пешеходы узнали отпечатки своих ног и поняли, что идут по этим местам уже во второй раз.

Караван опять остановился; всадники возбужденно совещаются. Положение серьезное: так думает и сам плантатор. Он потерял надежду до наступления темноты закончить путешествие, как предполагал раньше.

Но это еще не самая большая беда. Кто знает, что ждет их впереди? Выжженная прерия полна опасностей. Быть может, им предстоит провести здесь ночь, и нигде будет достать воды, чтобы напоить мулов. А может быть, и не одну ночь?

Но как же найти дорогу? Солнце начинает клониться к западу, хотя все еще стоит слишком высоко, чтобы уловить, в какую сторону оно движется; однако через некоторое время можно было бы определить, где находятся страны света.

Но что толку? Даже если они узнают, где находятся восток, запад, север и юг, ничего не изменится — они потеряли направление!

Колхаун стал осторожнее. Он уже больше не претендует на роль проводника. После такой позорной неудачи у него не хватает на это смелости.

Минут десять они совещаются, но никто не может предложить разумный план действий. Никто не знает, как вырваться из этой черной прерии, которая заволакивает черной пеленой не только солнце и небо, но и лица тех, кто попал в ее пределы.

Высоко в небе показалась стая черных грифов. Они всё приближаются. Некоторые из них опускаются на землю, другие кружат над головами заблудившихся путников. В поведении хищников есть что-то зловещее.

Прошло еще десять гнетущих минут. И вдруг к людям вернулась бодрость: они увидели всадника, скачущего прямо к обозу.

Какая неожиданная радость! Кто бы мог подумать, что в таком месте можно встретить человека! Снова надежда засветилась в глазах путников — в приближающемся всаднике они видят своего спасителя.

— Ведь он едет к нам, не правда ли? — спросил плантатор, не веря своим глазам.

— Да, отец, он едет прямо к нам, — ответил Генри и стал кричать и размахивать шляпой высоко над головой, чтобы привлечь внимание всадника.

Но это было излишне — всадник и без того заметил остановившийся караван. Он скакал галопом и скоро приблизился настолько, что можно было окликнуть его.

Он натянул поводья, только когда миновал обоз и подъехал к плантатору и его спутникам.

— Мексиканец, — прошептал Генри, взглянув на одежду незнакомца.

— Тем лучше, — так же тихо ответил ему отец. — Тогда он наверняка знает дорогу.

— Ничего мексиканского в нем нет, кроме костюма, — пробормотал Колхаун. — Я сейчас это узнаю... *Buenos dias, cavallero! Esta Vuestra Mexicano?* (Добрый день, кабальеро! Вы мексиканец?)

— О нет, — ответил тот, улыбнувшись. — Я совсем не мексиканец. Я могу объясняться с вами и по-испански, если хотите, но, мне кажется, вы лучше поймете меня, если мы будем говорить по-английски — ведь это ваш родной язык? Не так ли?

Колхаун подумал, что допустил какую-то ошибку в своей фразе или же не справился с произношением, и поэтому воздержался от ответа.

— Мы американцы, сэр, — ответил Пойндекстер с чувством уязвленной национальной гордости. Затем, как бы боясь обидеть

человека, от которого ждал помощи, добавил: — Да, сэр, мы все американцы, из Южных штатов.

— Это легко определить по вашим спутникам, — сказал всадник с едва уловимой презрительной усмешкой, взглянув в сторону негров-невольников. — Нетрудно заметить также, что вы впервые путешествуете по прерии. Вы сбились с дороги?

— Да, сэр, и у нас нет никакой надежды найти ее, если только вы не будете так добры и не поможете нам.

— Стоит ли говорить о таких пустяках! Совершенно случайно я заметил ваши следы, когда ехал по прерии. Поняв, что вы заблудились, я прискакал сюда, чтобы помочь вам.

— Это очень любезно с вашей стороны. Мы вам признательны, сэр. Меня зовут Пойндекстер — Вудли Пойндекстер из Луизианы. Я купил усадьбу на берегу Леоны, вблизи форта Индж. Мы надеялись добраться туда засветло. Как вы думаете, мы успеем?

— Разумеется. Если только будете следовать моим указаниям.

Сказав это, незнакомец отъехал на некоторое расстояние. Кажется, он изучает местность, стараясь определить, в каком направлении должны двигаться путешественники.

Застывшие на вершине холма лошадь и всадник представляли собой картину, достойную описания.

Породистый гнедой конь — даже арабскому шейху не стыдно было бы сесть на такого коня! — широкогрудый, на стройных, как тростник, ногах, с могучим крупом и великолепным густым хвостом. А на спине у него всадник — молодой человек лет двадцати пяти, прекрасно сложенный, с правильными чертами лица, одетый в живописный костюм мексиканского ранчero¹: на нем бархатная куртка, брюки со шнуровкой по бокам, сапоги из шкуры бизона с тяжелыми шпорами; ярко-красный шелковый шарф опоясывает талию; на голове черная глянцевая шляпа, отделанная золотым позументом. Вообразите такого всадника, сидящего в глубоком седле мавританского стиля и мексиканской работы, с кожаным, украшенным тисненными узорами чепраком, похожим на те, которыми покрывали своих коней конквистадоры. Представьте себе такого кабальеро — и пред вашим взором будет тот, на кого смотрели плантатор и его спутники.

А из-за занавесок кареты на всадника смотрели глаза, выдававшие совсем особое чувство. Первый раз в жизни Луиза Пойндек-

¹ *Ранчero* — скотовод.

стер увидела человека, который, казалось, был реальным воплощением героя ее девичьих грез. Незнакомец был бы польщен, если бы узнал, какое волнение он вызвал в груди молодой креолки.

Но как мог он это знать? Он даже не подозревал о ее существовании. Его взгляд лишь скользнул по запыленной карете, — так смотришь на невзрачную раковину, не подозревая, что внутри нее скрывается драгоценная жемчужина.

— Клянусь честью! — сказал всадник, обернувшись к владельцу фургонов. — Я не могу найти никаких примет, которые помогли бы вам добраться до места. Но дорогу туда я знаю. Вам придется переправиться через Леону в пяти милях ниже форта, а так как я и сам направляюсь к этому броду, то вы можете ехать по следам моей лошади. До свиданья, господа!

Распрощавшись так внезапно, незнакомец прищпорил коня и поскакал галопом.

Этот неожиданный отъезд показался плантатору и его спутникам весьма невежливым. Но они не успели ничего сказать, как увидели, что незнакомец возвращается. Не прошло и десяти секунд, как всадник снова был с ними. Все недоумевали, что заставило его вернуться.

— Боюсь, что следы моей лошади вам мало помогут. После пожара здесь успели побывать мустанги. Они оставили тысячи отпечатков своих копыт. Правда, моя лошадь подкована, но ведь вы не привыкли различать следы, и вам будет трудно разобраться, тем более что на сухой золе все лошадиные следы почти одинаковы.

— Что же нам делать? — спросил плантатор с отчаянием в голосе.

— Мне очень жаль, мистер Пойндекстер, но я не могу сопровождать вас. Я должен срочно доставить в форт важное донесение. Если вы потеряете мой след, держитесь так, чтобы солнце было у вас справа, а ваши тени падали налево, под углом около пятнадцати градусов к линии движения. Миль пять двигайтесь прямо вперед. Затем вы увидите верхушку высокого дерева — кипариса. Вы узнаете его по красному цвету. Направляйтесь прямо к этому дереву. Оно стоит на самом берегу реки, недалеко от брода.

Молодой всадник уже натянул поводья и готов был снова ускакать, но что-то заставило его сдержать коня. Он увидел темные блестящие глаза, глядевшие из-за занавесок кареты, — в первый раз он увидел эти глаза.

Обладательница их скрылась в тени, но было еще достаточно светло, чтобы разглядеть лицо необычайной красоты. Кроме того, он заметил, что прекрасные глаза устремлены в его сторону и что они смотрят на него взволнованно, почти нежно.

Невольно он ответил восхищенным взглядом, но, испугавшись, как бы это не сочли дерзостью, круто повернул коня и снова обратился к плантатору, который только что поблагодарил его за любезность.

— Я не заслуживаю благодарности, — сказал незнакомец, — так как оставляю вас на произвол судьбы, но, к несчастью, я не располагаю свободным временем.

Он посмотрел на часы, как будто сожалел, что ему придется ехать одному.

— Вы очень добры, сэр, — сказал Пойндекстер. — Я надеюсь, что, следуя вашим советам, мы не собьемся с пути. Солнце нам поможет.

— Боюсь, как бы не изменилась погода. На севере собираются тучи. Через час они могут заслонить солнце... во всяком случае, это произойдет раньше, чем вы достигнете места, откуда виден кипарис... Я не могу вас так оставить... Впрочем, — сказал он после минуты размышления, — я придумал: держитесь следа моего лассо!

Незнакомец снял с седельной луки свернутую веревку и, прикрепив один конец к кольцу на седле, бросил другой на землю. Затем, изящным движением приподняв шляпу, он вежливо поклонился — почти в сторону кареты, — прищипорил лошадь и снова поскакал по прерии.

Лассо, вытянувшись позади лошади ярдов на двенадцать, оставило на испепеленной поверхности прерии полосу, похожую на след проползшей змеи.

— Удивительно странный молодой человек! — сказал плантатор, глядя вслед всаднику, скрывшемуся в облаке черной пыли. — Мне следовало бы спросить его имя.

— Удивительно самодовольный молодой человек, я бы сказал, — пробормотал Колхаун, от которого не ускользнул взгляд, брошенный незнакомцем в сторону кареты, так же как и ответный взгляд кузины. — Что касается его имени, то о нем, пожалуй, и не стоило спрашивать. Наверняка он назвал бы вымышленное. Техас переполнен такими франтами, которые, попав сюда, обзаводятся новыми именами, более благозвучными, или же меняют их по какому-нибудь другим причинам.

— Послушай, Кассий, — возразил молодой Пойндекстер, — ты к нему несправедлив. Он, по-моему, человек образованный, джентльмен, вполне достойный носить самое знатное имя.

— «Джентльмен»! Черт возьми, вряд ли! Я никогда не встречал джентльмена, который рядился бы в мексиканские тряпки. Бьюсь об заклад, что это просто какой-нибудь проходимец.

Во время этого разговора прекрасная креолка выглянула из кареты и с нескрываемым интересом провожала глазами удалявшегося всадника. Не этим ли следует объяснить язвительный тон Колхауна?

— В чем дело, Лу? — спросил он почти шепотом, подъезжая вплотную к карете. — Ты, кажется, очень торопишься? Может быть, ты хочешь догнать этого наглеца? Еще не поздно — я дам тебе свою лошадь.

Девушка откинулась назад, очевидно недовольная не только словами, но и тоном кузена. Но она не показала виду, что рассердилась, и не стала спорить — она выразила свое недовольство гораздо более обидным образом. Звонкий смех был единственным ответом, которым она удостоила кузена.

— Ах так... Глядя на тебя, я так и подумал, что тут что-то нечисто. У тебя был такой вид, словно ты очарована этим щеголеватым курьером. Он пленил тебя, вероятно, своим пышным нарядом? Но знай, что это всего лишь ворона в павлиньих перьях, и мне, верно, еще придется содрать их с него и, быть может, с куском его собственной кожи.

— Как тебе не стыдно, Кассий! Подумай, что ты говоришь!

— Это тебе надо подумать о том, как ты себя ведешь, Лу. Удостоить своим вниманием какого-то бродягу, ряженого шута! Я не сомневаюсь, что он простой почтальон, нанятый офицерами форта.

— Почтальон, ты думаешь? О, как бы я хотела получать любовные письма из рук такого письмоносца!

— Тогда поспеши и скажи ему об этом. Моя лошадь к твоим услугам.

— Ха-ха-ха! Как же ты несообразителен! Если бы я даже и захотела, шутки ради, догнать этого почтальона прерии, то на твоей ленивой кляче мне это вряд ли удалось бы. Он так быстро мчится на своем гнедом, что, конечно, они оба исчезнут из виду, прежде чем ты успеешь переменить для меня седло. О нет! Мне его не догнать, как бы мне этого ни хотелось.

— Смотри, чтобы отец не услышал тебя!

— Смотри, чтобы он тебя не услышал, — ответила девушка, заговорив теперь уже серьезным тоном. — Хотя ты мой двоюродный брат и отец считает тебя верхом совершенства, я этого не считаю, о нет! Я никогда не скрывала этого от тебя — не так ли?

Колхаун только нахмурился в ответ на это горькое для него признание.

— Ты мой двоюродный брат — и только, — продолжала девушка строгим голосом, резко отличавшимся от того шуточного тона, которым она начала беседу. — Для меня ты больше никто, капитан Кассий Колхаун! И не пытайся, пожалуйста, быть моим советчиком. Только с одним человеком я считаю своим долгом советоваться, и только ему я позволю упрекать себя. А поэтому прошу тебя, мастер¹ Каш, воздержаться от подобных нравоучений. Я никому не стану давать отчет в своих мыслях, так же как и в поступках, до тех пор, пока не встречу достойного человека. Но не тебе быть моим избранником!

Закончив свою отповедь, девушка снова откинулась на подушки, смерив капитана взглядом, полным негодования и презрения. Потом она задернула занавески кареты, давая этим понять, что больше не желает с ним разговаривать.

Крики возниц вывели капитана из оцепенения. Фургоны снова двинулись в путь по мрачной прерии, которая едва ли была мрачнее мыслей Кассия Колхауна.

Глава III

ПУТЕВОДНАЯ СТРЕЛКА

Путешественники больше не беспокоились о дороге: след ласко тянулся непрерывной змейкой и был так отчетливо виден, что даже ребенок не сбился бы с пути.

Он не шел по прямой, а извивался между зарослями кустарников. Порой, когда путь лежал по местности, где не было деревьев, он отклонялся в сторону. Делалось это не случайно: в таких местах были глубокие овраги и другие препятствия — змейка следа огибала их, показывая дорогу фургонам.

¹ *Мастер* — обращение к мальчику из богатой семьи; негры-невольники произносили «масса» и называли так хозяев.

— Как это предусмотрительно со стороны молодого человека! — сказал Пойндекстер. — Право, я очень жалею, что мы не узнали его имени. Если он служит в фортю, мы еще встретимся с ним.

— Без сомнения! — воскликнул Генри. — И я буду этому очень рад.

Луиза сидела, откинувшись на спинку сиденья, — она слышала разговор между отцом и братом, но ничего не сказала, только в ее взгляде можно было прочесть, что она всем сердцем разделяет надежду брата.

Радуясь скорому окончанию трудного путешествия, а также возможности до захода солнца увидеть свои новые владения, плантатор был в прекрасном настроении. Этот гордый аристократ вдруг удостоил своим снисходительным вниманием всех окружающих: непринужденно болтал с надсмотрщиком, остановился пошутить с дядюшкой Сципионом, едва ковьялявшим на покрытых волдырями ногах, подбодрил тетюшку Хлою, которая ехала с младенцем на руках.

«Чудесно! — может воскликнуть посторонний наблюдатель, введенный в заблуждение такой необычайной сценой, столь старательно изображаемой писаками, подкупленными самим Сатаной. — В конце концов, как прекрасны патриархальные нравы рабовладельцев! И это после всего, что мы говорили и делали для уничтожения рабства! Попытка разрушить это древнее здание — достойный краеугольный камень рыцарственной нации — лишь филантропическая блажь, излишняя чувствительность. О вы, фанатики, стремящиеся к уничтожению рабства! Почему вы восстаете против него? Разве вы не знаете, что одни должны страдать, должны работать и голодать, чтобы другие наслаждались роскошью и бездельем? Разве вы не знаете, что одни должны быть рабами, чтобы другие были свободными?»

Эти речи, несущие страдания миллионам, за последнее время раздаются слишком часто. Горе человеку, который произносит их, и нации, которая их слушает!

* * *

Хорошее настроение плантатора, казалось, разделяли все его спутники, за исключением Колхауна. Оно отражалось на лицах невольников, которые считали Пойндекстера источником своего счастья или несчастья — всемогущим, почти как бог.

Они любили его меньше, чем бога, но боялись больше, хотя его нельзя было назвать плохим хозяином — по сравнению с другими рабовладельцами. Он не находил особого удовольствия в истязании своих рабов и был доволен, когда видел, что они сыты и одеты, что кожа их лоснится от жира. Ведь по этим признакам судили о благосостоянии его самого — их господина. Он иногда учил их плетью — уверяя, что это оказывает на них благотворное действие, — однако на коже его невольников не было ни одного рубца от жестоких истязаний, а этим мог похвастаться далеко не всякий рабовладелец штата Миссисипи.

Стоит ли удивляться, что в обществе такого «примерного» хозяина все были в хорошем настроении и даже невольники, заразившись общей радостью, принялись весело болтать!

Однако благодушное настроение длилось недолго. Оно было прервано не внезапно и не по вине тех, кто его разделял: причиной были обстоятельства, которые от них не зависели.

Как и предсказал незнакомец, солнце скрылось раньше, чем показался кипарис.

Но это не должно было бы вызвать беспокойства: след лассо был по-прежнему хорошо виден, и ориентироваться по солнцу не было необходимости. Однако тучи, затянувшие небо, угнетающе действовали на путников.

— Можно подумать, что уже наступили вечерние сумерки, — сказал плантатор, вынимая свои золотые часы, — а между тем всего лишь три часа. Наше счастье, что этот молодой человек помог нам. Если бы не он, мы до заката проплутали бы по этой выжженной прерии. Пожалуй, пришлось бы заночевать прямо на пепле...

— Ну и черная была бы постель! — шутливо отозвался Генри, чтобы придать разговору более веселый характер. — Ух и страшные бы я видел сны, если бы пришлось так спать!

— И я тоже, — добавила сестра, выглядывая из-за занавесок и всматриваясь в даль. — Я уверена, что мне приснились бы Плутон¹ и Прозерпина² в аду.

— Хи-хи-хи! — осклабился черный кучер, числившийся в книгах плантаций как Плутон Пойндекстер. — Мисса Луи увидит меня во сне на этой черной прерии! Вот чудно так чудно! Хи-хи-хи!

¹ *Плутон* — в древнегреческой мифологии бог ада.

² *Прозерпина* — богиня ада.

— Слишком рано вы начали смеяться, — раздался мрачный голос капитана, подъехавшего во время этого разговора. — Смотрите, как бы вам и в самом деле не пришлось ночевать в этой черной прерии! Хорошо, если не случится еще чего-нибудь похуже.

— Что ты хочешь этим сказать, Каш? — спросил плантатор.

— Я хочу сказать, дядя, что этот молодчик обманул нас. Я не могу еще этого утверждать, но похоже, что дело скверно. Мы проехали уже больше пяти миль... около шести, должно быть, а где же кипарис, о котором он говорил? Кажется, у меня зрение не хуже, чем у других, но, как я ни всматривался в даль, я не обнаружил никакого дерева.

— Но зачем же ему обманывать нас?

— Ах, «зачем»! В том-то и дело, что у него может быть для этого немало причин.

— Назови нам хотя бы одну из них, — раздался серебристый голос из кареты, — мы с интересом слушаем.

— Еще бы: ты будешь слушать с особым интересом все, что касается этого субъекта, — иронически ответил Колхаун, — а если я выскажу свои соображения, ты со свойственной тебе снисходительностью назовешь это ложной тревогой!

— Это будет зависеть от того, что ты скажешь, мастер Кассий. Мне кажется, что тебе следует испытать нас. Не можем же мы думать, что ты, военный и такой опытный путешественник, поддался ложной тревоге!

Колхаун понял злую насмешку и, вероятно, воздержался бы от дальнейших объяснений, если бы на этом не настоял Пойндекстер.

— Послушай, Кассий, объясни же, в чем дело? — серьезно спросил плантатор. — То, что ты нам сказал, вызывает больше чем простое любопытство. Какую цель мог преследовать этот молодой человек, давая нам ложные указания?

— Ну что же, дядя... — сказал Колхаун не столь заносчиво, как раньше, — я ведь не утверждаю этого, я только высказываю свое предположение.

— Какое же?

— Ну, мало ли что может случиться! В этих прериях нередко нападают на караваны — и не только на такие, как наш, но и на караваны посильнее нашего, — грабят и убивают.

— Упаси боже! — с притворным испугом воскликнула Луиза.

— Индейцы? — сказал Пойндекстер.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

Перевод А. Макаровой

Пролог	7
Глава I. Выжженная прерия	9
Глава II. След лассо	15
Глава III. Путеводная стрелка	22
Глава IV. Черный норд	27
Глава V. Жилище охотника за мустангами	34
Глава VI. Крапчатый мустанг	41
Глава VII. Беспокойная ночь	48
Глава VIII. Многоножка	54
Глава IX. Пограничный форт	57
Глава X. Каса-дель-Корво	64
Глава XI. Неожиданный гость	69
Глава XII. Укрощение дикой лошади	75
Глава XIII. Пикник в прерии	84
Глава XIV. Манада	89
Глава XV. Беглянка настигнута	93
Глава XVI. Преследуемые дикими мустангами	98
Глава XVII. Ловушка для мустангов	105
Глава XVIII. Ревность идет по следам	111
Глава XIX. Виски с водой	120
Глава XX. Опасное положение	127
Глава XXI. Дуэль в баре	133
Глава XXII. Загадочный подарок	136
Глава XXIII. Клятва мести	141
Глава XXIV. На асоте	145

Глава XXV. Неотданный подарок	148
Глава XXVI. Снова на асотее	153
Глава XXVII. «Я люблю тебя!»	156
Глава XXVIII. Отнятое развлечение	161
Глава XXIX. Эль-Койот у себя	165
Глава XXX. Воздушная почта	168
Глава XXXI. Удачная переправа	171
Глава XXXII. Свет и тень	174
Глава XXXIII. Мучительное открытие	177
Глава XXXIV. «Рыцарские» побуждения	180
Глава XXXV. Негостеприимный хозяин	185
Глава XXXVI. Трое на одном пути	188
Глава XXXVII. Загадочное исчезновение	193
Глава XXXVIII. На поиски	198
Глава XXXIX. Лужа крови	201
Глава XL. Меченая пуля	206
Глава XLI. Четыре всадника	211
Глава XLII. Грифы летают	215
Глава XLIII. Кубок и бутылка	221
Глава XLIV. Четверо команчей	226
Глава XLV. Оборвавшийся след	234
Глава XLVI. Тайное признание	241
Глава XLVII. Перехваченное письмо	247
Глава XLVIII. Исидора	251
Глава XLIX. Лассо развязано	259
Глава L. Схватка с койотами	265
Глава LI. Дважды пьяный	269
Глава LII. Пробуждение	273
Глава LIII. Как раз вовремя	278
Глава LIV. Паланкин прерии	285
Глава LV. День новостей	289
Глава LVI. Выстрел в дьявола	296
Глава LVII. Условленный сигнал	304
Глава LVIII. Отравленный поцелуй	309
Глава LIX. Встреча в какале	314
Глава LX. Предательница	320
Глава LXI. Ангел, сошедший на землю	325
Глава LXII. Напряженное ожидание	330

Глава LXIII. Суд Линча	335
Глава LXIV. Непредвиденная задержка	340
Глава LXV. Еще одна непредвиденная задержка	345
Глава LXVI. Преследуемая команчами	351
Глава LXVII. Индейцы	355
Глава LXVIII. Двойное разочарование	359
Глава LXIX. Тайна и траур	365
Глава LXX. «Идите, Зеб, и да поможет вам Бог!»	369
Глава LXXI. Рыжий конь	373
Глава LXXII. Зеб Стумп идет по следу	379
Глава LXXIII. Островок в прерии	383
Глава LXXIV. Преследование	386
Глава LXXV. По следу	388
Глава LXXVI. В меловой прерии	391
Глава LXXVII. Еще одно звено	396
Глава LXXVIII. Мена лошадами	399
Глава LXXIX. Неутомимый следопыт	403
Глава LXXX. Бдительное наблюдение за воротами	406
Глава LXXXI. Вверх ногами	410
Глава LXXXII. Станный сверток	415
Глава LXXXIII. Приезжие юристы	418
Глава LXXXIV. Нежный племянник	421
Глава LXXXV. Добрый кузен	426
Глава LXXXVI. Техасский суд	431
Глава LXXXVII. Лжесвидетель	436
Глава LXXXVIII. Свидетель поневоле	440
Глава LXXXIX. Рассказ обвиняемого	445
Глава XC. Внезапный перерыв в заседании	450
Глава XCI. Погоня по зарослям	453
Глава XCII. Вынужденное возвращение	456
Глава XCIII. Обезглавленный труп	459
Глава XCIV. Тайна открывается	463
Глава XCV. Последний свидетель	468
Глава XCVI. Бежал!	475
Глава XCVII. Погоня за убийцей	479
Глава XCVIII. Еще жив	483
Глава XCIX. Два выстрела	486
Глава C. Радость	489

МОРСКОЙ ВОЛЧОНОК,
ИЛИ НА ДНЕ ТРЮМА
Перевод О. Мандельштама

Глава I. Мои слушатели	495
Глава II. Спасенный лебедем	498
Глава III. Подводное течение	503
Глава IV. Две шлюпки Гарри Блю	507
Глава V. Черный островок	511
Глава VI. Чайки	516
Глава VII. За морским ежом	520
Глава VIII. Потеря челнока	523
Глава IX. Неудача	525
Глава X. Я строю пирамиду	529
Глава XI. Прилив	533
Глава XII. Сигнальная мачта	536
Глава XIII. Подвязан к столбу	541
Глава XIV. Перу	543
Глава XV. Бегство	548
Глава XVI. «Инка» и ее экипаж	550
Глава XVII. Не вышел ростом... ..	554
Глава XVIII. На дне трюма	556
Глава XIX. «Инка» снимается с якоря	560
Глава XX. Морская болезнь	562
Глава XXI. Заживо погребенный	565
Глава XXII. Жажда	568
Глава XXIII. Сладостные звуки	570
Глава XXIV. Бочка пробуравлена!	572
Глава XXV. Втулка	576
Глава XXVI. Ящик с галетами	578
Глава XXVII. Бочонок с ромом	581
Глава XXVIII. Пайки	585
Глава XXIX. Емкость бочки	588
Глава XXX. Зарубки на линейке	591
Глава XXXI. Что делать?	594
Глава XXXII. Ужасы мрака	597
Глава XXXIII. Шторм	599
Глава XXXIV. Чаша	602
Глава XXXV. Таинственное исчезновение	604

Глава XXXVI. Вторжение	607
Глава XXXVII. Размышления	611
Глава XXXVIII. Всё за крысоловку!	613
Глава XXXIX. Крысиная стая	616
Глава XL. Скандинавская, или нормандская, крыса	620
Глава XLI. Сон и действительность	623
Глава XLII. Глубокий сон	626
Глава XLIII. В поисках второго ящика с галетами	629
Глава XLIV. Крохи	631
Глава XLV. Укус	635
Глава XLVI. Тюк с полотном	637
Глава XLVII. Отвес	640
Глава XLVIII. Пряный душ	643
Глава XLIX. Новая опасность	647
Глава L. Где мой нож?	649
Глава LI. Крысоловка	652
Глава LII. В засаде	654
Глава LIII. Перемена курса	657
Глава LIV. План действий	659
Глава LV. Я стою во весь рост	661
Глава LVI. Хитроумная уловка	664
Глава LVII. Серьезное препятствие	668
Глава LVIII. Обходное движение	672
Глава LIX. Нож сломался	675
Глава LX. Пустой треугольник	678
Глава LXI. Новый ящик	681
Глава LXII. Чуть не задохнулся	683
Глава LXIII. К жизни и свету!	686
Глава LXIV. Удивление команды	690
Глава LXV. Развязка	692

Рид М.

Р 49 Всадник без головы : роман ; Морской волчонок : повесть / Майн Рид ; пер. А. Макаровой, О. Манделъштама. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 704 с. : ил. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-16281-5

В книгу включены два произведения английского писателя, признанного классика приключенческой литературы Томаса Майн Рида — знаменитый роман «Всадник без головы» (1865–1866), прославивший имя своего создателя, и повесть «Морской волчонок» (1859). Проникнутая впечатлениями и настроениями молодых лет, которые автор провел в США, романтическая история о благородном тexasском мустангере Морисе Джеральде и прекрасной дочери плантатора Луизе Пойндекстер, чьей любви противостоят козни завистника и зловещая тайна безголового всадника, наводящего ужас на обитателей саванны, и по сей день пленяет воображение читателей как на родине Майн Рида, так и во всем мире. Героя «Морского волчонка», двенадцатилетнего Филиппа Форстера, мальчишеская тяга к странствиям и приключениям приводит на борт следующего из Англии в Перу торгового судна «Инка», куда он проникает тайком от команды. Укрывшись в трюме, заживо погребенный среди тюков с грузом, ящиков и бочек, юный Филипп вынужден вести постоянную борьбу за выживание — преодолевать жажду, голод, одиночество, страх темноты, морскую болезнь и сражаться с корабельными крысами. Ему приходится использовать все свои знания, умения и смекалку, чтобы пробить себе путь наверх, к свободе.

Публикация романов сопровождается классическими иллюстрациями Николая Кочергина («Всадник без головы») и Леона Бенетта («Морской волчонок»).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

МАЙН РИД
ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ
МОРСКОЙ ВОЛЧОНОК

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Анна Быстрова,
Ирина Сологуб, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.03.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 44. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 7

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPR-24723-01-R